

А.А. Корольков
К.В. Преображенская
И.Б. Романенко

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
В ЗЕРКАЛЕ
ФИЛОСОФИИ

Александр Корольков

**Педагогическая антропология
в зеркале философии**

«Алетейя»

2017

УДК 37.015.2

Корольков А. А.

Педагогическая антропология в зеркале философии /
А. А. Корольков — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-92-7

В книге раскрыты философско-мировоззренческие истоки и историческая эволюция проблем педагогической антропологии. Внимание авторов сосредоточено на идеях выдающихся мыслителей прошлого, вместе с тем обсуждаются острейшие вопросы воспитания и философии современного человека. Авторы предлагают философское видение проблем педагогической антропологии; единство исследовательских и педагогических подходов обеспечивается традициями научных школ, сложившихся в институте философии человека РГПУ им. А. И. Герцена. Издание ориентировано не только на педагогов и научных работников, но и на студентов, аспирантов, широкий круг читателей, заинтересованно относящихся к философско-антропологическим идеям.

УДК 37.015.2

ISBN 978-5-906860-92-7

© Корольков А. А., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Предисловие	6
1. Истоки и предпосылки педагогической антропологии в античности	7
1.1. Истоки педагогической антропологии в античной пайдейе	7
1.2. Этический антропологизм софистов	14
1.3. Антрополого-образовательные концепции Платона и Аристотеля: Академия и Ликей	18
1.4. Эллинистическая пайдейя: новые модели образа жизни человека	22
2. Духовно-нравственные искания в средневековой антропологии	27
2.1. Идеалы духовного совершенствования в христианской антропологии	27
2.2. Христианизация эллинизма и новые возможности интеллектуального и духовного роста в Византии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

А. А. Корольков, К. В. Преображенская, И. Б. Романенко Педагогическая антропология в зеркале философии

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор *А. Г. Козлова*

доктор философских наук, профессор *Н. В. Наливайко*

доктор философских наук *Д. И. Кузнецов*

© А. А. Корольков, К. В. Преображенская, И. Б. Романенко, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Предисловие

«Познай самого себя», «узнай себя» – по-разному переводят на русский язык афоризм, начертанный на фронтоне храма в Дельфах, по-разному его интерпретируют, но бесспорной остается задача постижения человека, этим всегда были заняты философия и педагогика. Нетрудно обнаружить, что в истории педагогики фигурируют имена, которые вместе с тем, представляют классику истории философии – Платон, Аристотель, Локк, Руссо, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Хомяков, Киреевский, Зеньковский, Лосев... Эти совпадения неслучайны. Невозможно развивать учение о воспитании, обучении человека без учета глубин философского его постижения.

Словосочетание «педагогическая антропология», поразившее читателей фундаментального сочинения К. Д. Ушинского в середине XIX столетия, ныне стало достаточно привычным и принятым. Правда, современные книги, на титуле которых встречаем это словосочетание, носят чаще не исследовательский, а учебно-методический характер.

В предлагаемой работе авторы стремились органически соединить функции философские с образовательными, поскольку использовали собственный опыт исследования проблем философской и педагогической антропологии, и преломления их в преподавании соответствующих учебных предметов в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, на факультете философии человека (ныне Институте философии человека) и психолого-педагогическом факультете (ныне Институте).

А. А. Корольков

1. Истоки и предпосылки педагогической антропологии в античности

1.1. Истоки педагогической антропологии в античной пайдейе

Назидания родителей, мудрецов детям, подрастающим поколениям – едва ли не из самых древнейших. Вряд ли есть хоть один народ, который не имел бы традиций предостережения от злых, опасных поступков. И хотя, конечно, ни о какой педагогической антропологии еще не могло быть и речи, но жизненные установки, правила совместного бытия людей издревле требовали своеобразной нравственности, а значит и формирования ее в людях. Нравственное поведение зачастую противоречит инстинкту самосохранения, иначе невозможны бы были акты самопожертвования¹. Предпосылки педагогической антропологии сложились в семейно-родовых традициях воспитания, в формировании качеств человека, ответственного за судьбу семьи, общины, а затем и народа, наследующего и отстаивающего отеческую веру, впитывающего родную культуру. Следовательно, предпосылки науки были созданы самой жизнью. Педагогическая антропология современного уровня не может не питаться опытом народного воспитания, ибо трудолюбивые, честные, совестливые, дружелюбные, отзывчивые люди вырастали вовсе не только под влиянием образования. Педагогика, как и вся светская культура, чтобы иметь прочные основания, обязаны питаться соками народной культуры, апробированными ценностями традиций. Вряд ли существуют вершины культуры без народных предпосылок. В музыке это наиболее очевидно, но и педагогическая направленность на формирование человека будет ущербной без учета традиций народа в базовых ценностях воспитания.

Предпосылки науки воспитания, ее стихийно и сознательно складывающихся оснований уходят в толщу веков и у каждого народа имеют своеобразие. Иное дело, истоки уже зарождающейся протонауки о человеке, его воспитании, они для европейской культуры связаны с древнегреческой философией.

Истоки педагогической антропологии связаны с именами Сократа и Платона. Вальтер Йегер в своем исследовании «Пайдейя. Воспитание античного грека» убедительно обосновал, что «Платон первым увидел сущность философии в воспитании нового человека»². Фокус внимания философов смещается от натурфилософской проблематики, от размышлений о космосе, о субстанции – к человеку, к его целостному развитию. Содержательный смысл философско-педагогической греческой мысли не может быть сведен к современной трактовке воспитания. Сразу заметим в связи с этим не вполне точное употребление в переводе на русский язык заголовка книги В. Йегера – слова «Die Formung» как «воспитание». Из контекста книги видно, что речь идет о формировании древнего грека во всей полноте воздействия на него наставников, собеседников, школы, в которой происходило такое формирование (формовка). Собственно, немецкое слово «Formung» и имеет более ёмкий смысл, чем воспитание³.

---

¹ См. подробнее: *Бородай Ю. М.* От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М.: ИФ РАН, 1995. – 297 с.

² *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. М., 2001. Т. 1. С. 193.

³ *Jaeger W.* Paideia: Die Formung des griechischen Mensch. Berlin und Leipzig, 1936.

Пайдейя в современной литературе истолковывается более широко, чем в книге Йегера – близко к тому, что в латинском языке обозначили термином «культура», пайдейя – это внутренняя культура человека, культура души.

Вопрос об истоках педагогической антропологии, разумеется, не означает, что речь идет о существовании в античности той области знаний, которая претендует на самостоятельный статус лишь начиная с книги К. Д. Ушинского.⁴ В то же время это свидетельствует о том, что в V–IV веках до новой эры были уже поставлены существенные вопросы, рассматриваемого нами предмета. Подобным образом обстоит дело во многих науках. Рождение, например, эмбриологии историки биологии связывают с именами Жоффруа Сент-Илера, Каспара Вольфа, Карла Бэра, то есть ученых XVIII–XIX столетий. В то же время всякий человек, осведомленный в генезисе этой науки, знает, что противостояние учений преформизма и эпигенеза начинается с Гиппократом и Аристотелем, что последнему принадлежат труды «О возникновении животных» и об истории животных, что Аристотель исследовал и описал этапы эмбриогенеза от яйца до вылупившегося из него цыпленка.

Античность в европейской и русской культуре составляла основу классического образования. Классика – это идея глубины, гармонии и целостности. Классика – это совершенство традиций. К такому совершенству стремилась древнегреческая культура, она и создала совершенные образцы в архитектуре, скульптуре, философии, поэзии, астрономии, медицине, математике. Не стало исключением и учение о формировании человека на всех этапах его индивидуального становления.

Не во все времена Европа и Россия проявляли равное внимание к греческому языку, мифологии, поэзии, философии, но глубина образования неизменно предполагала освоение греческой культуры. И не только освоение, но включение в практическую педагогику, в систему воспитания, формирования личности.

Пифагор, Эпикур, Сократ, Платон, Аристотель и своим собственным примером, и опытом своих школ показали, насколько необходимы, существенны преемственные отношения учителя и ученика. Платон выражал убеждение, что без учителя не может вообще появиться что-то яркое, выдающееся. Особое значение они придавали устному наставничеству, непосредственному диалогу⁵. Все великие философы Древней Греции имели своих наставников, учителей, это не всегда можно проследить документально, но сами факты бесед, контактов философов, неоспоримо свидетельствуют о роли учительства в те далекие столетия. Наиболее известны учительские влияния Сократа на Платона, и затем Платона на Аристотеля.

Философия Сократа – это этический антропологизм: в центре его внимания человек в поисках жизненных ценностей – дружбы, справедливости, совести, храбрости, мудрости. Он противостоял софистам и словом и поступками. В отличие от софистов никогда не брал денег за свои беседы. Для софистов все моральные нормы оказывались относительными, зависимыми от субъективных оценок человека. Словесными приемами софист мог отстаивать любой тезис, граница между добром и злом, истиной и ложью стирались, все зависело от софистической эквилибристики.

Сократ освобождал человека от самоуверенности, искал истину вместе с собеседником. Его метод по праву называют диалектикой, ибо его диалоги – это и есть воплощенный диалектический метод, который впоследствии был подхвачен великими немцами – Кантом, Гегелем, Шеллингом, Фихте.

Образы софистов сохранились для истории преимущественно в сократовско-платоновской трактовке, это негативные образы корыстных учителей, использующих разнознач-

---

⁴ Ушинский К. Д. Педагогическая антропология. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. – М.: Издательство УРАО, 2002.

⁵ См. подробнее: Безрогов В. Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. – М., 2008. (Глава «Школа и ученичество в классической традиции» С. 124–211).

ность слов (об этом писал позднее Аристотель в своих «Софистических откровениях»). Реальные софисты были, естественно, сложнее, и это обосновано историками философии и педагогики. Так называемые старшие софисты – Протагор, Горгий, Гиппий – подлинныя энциклопедисты, первые просветители, организовывавшие школы в близком нам понимании. Несомненны их антропологические интересы, всем знаниям они стремились придать человеческое значение и измерение.

Греческая традиция непосредственного диалога, сотворчества учителя и ученика проявила свою силу во все последующие века. Это живая традиция педагогической антропологии. Ее исток – в школах Сократа, Платона, перипатетиков, в созвездии античных философов, ученых, государственных деятелей. Подлинный учитель не просто учил грамоте, математике, музыке. Учитель в сократовско-платоновском значении должен способствовать развитию способности задавать вопросы бытию, вопрошать, то есть мыслить проблемно, диалектически. Это те задачи формирования творческого мышления, которые наследовала диалектическая традиция в педагогике, ее актуализировали в XX столетии такие отечественные философы и педагоги как Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев, В. В. Давыдов.

Античность ценна во все времена не тем, что она расширяет нашу эрудицию, она ценна своими вопросами. Можно снисходительно посмеиваться над наивностью ответов на те вопросы, которые ставили греческие мыслители, но их вопросы были гениальны и стимулировали творчество не только учащихся, но и ученых. Что является основой всего существующего в мире, то есть что является субстанцией? В XX веке физики считали своим открытием атомы, элементарные частицы, однако не случайно лауреат нобелевской премии Шредингер написал статью «2400 лет квантовой механики», равно как физики прекрасно знали об атомистике Демокрита и Левкиппа, в которой атомы рассматривались как субстанция.

Лейбниц, вписавший свое имя в историю философии и в историю математики, своим вниманием к вопросу, который был поставлен Зеноном в его апории «Стрела», определил открытие дифференциального исчисления, пытаясь объяснить, что происходит с движущейся стрелой на бесконечно малых отрезках и в бесконечно малое мгновение – как стрела, чтобы находиться в движении, может быть одновременно и в данном месте, и в другом.

В равной степени, множество вопросов воспитания, образования, относящихся к категории вечных, были поставлены древнегреческими философами. Это своего рода научные, концептуальные программы⁶ на многие века вперед. К таким антропологическим программам следует по праву отнести целостное учение о духовном и телесном здоровье. Теории и практики пайдей, то есть воспитания в Древней Греции строились во многом на достижениях медицины.

В упомянутом уже двухтомном труде В. Йегера «Пайдейя. Воспитание античного грека» обширный раздел посвящен медицине, ее значению для формирования человека, его воспитания. Это может показаться излишеством, неоправданным отступлением от педагогической тематики. Это не так. Сократ и Платон понимали арте (гражданскую доблесть, истинную добродетель) прежде всего как здоровье души. «В высоком смысле слова можно сказать, что греческий идеал образования был также и идеалом здоровья»⁷.

Не следует думать, что педагогическая мысль в античности была однородной. Стоит обратиться к платоновскому диалогу «Протагор», чтобы убедиться, насколько остро разворачивалась дискуссия между Сократом и софистами за стратегию и методы воспитания. Сократ сразу ставит перед юношей, который собрался учиться у софистов, вопрос: знаешь

---

⁶ См. подробнее о научных программах античности: *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. – М., 1980.

⁷ *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. – М., 2001. Т. 2. С. 47.

ли ты «кому вверяешь свою душу и для чего – для хорошего или дурного?»⁸ И Платон устами Сократа побуждает юношу усомниться в том, что пришлый учитель, который, подобно торговцу развозит знания по городам, привозит добротный товар, что он способен оздоровить душу. Протагор ставил целью обучения искусство управлять государством и собственным домом. И хотя Протагор не желает отождествлять себя с теми учителями-софистами, которые нагружают учеников разнообразными знаниями, все же обнаруживается принципиальное отличие его от Сократа, для которого знания питают душу, наполняют ее добродетелью, врачуют. Сократ не называл себя «врачеватель душ», но его метод бесед не оставляет сомнений в том, что фактически он стремился быть таким врачевателем.

Противоположные принципы формирования человека в образовании выражали Платон и Исократ. Они были почти ровесниками – датой смерти Платона считают 348 год до РХ, а Исократа – 338 год. Имя Исократа несомненно менее известно современному читателю, чем имя Платона, хотя в истории педагогики они – выразители антиномии, определившей исторические пути развития образования.

Исократ – ученик Горгия и других софистов, выдающийся ритор, сочинитель многих воззваний к народам и правителям. Учиться у него стремились многие, Цицерон имел все основания сказать, что дом Исократа был мастерской всей Эллады. Его мигли одновременно слушать до ста учеников разных возрастов. Из его школы вышел Ликург, о степени влияния на иноземцев говорят отклики римлян, в том числе Цицерона. В «Риторике» Аристотеля использованы приемы Исократа как образцы мастерства построения текстов и речей.

В отличие от Платона Исократ не оставил философского наследия, но его ученики проявили себя во многих областях, и фигура Исократа по праву притягательна для историков педагогики. О нем подробно писали все историки методов воспитания в античности. Из переведенных на русский язык классических работ на эту тему, кроме отмеченной выше книги В. Йегера, заслуживает внимания «История воспитания в античности (Греция)» А.-И. Марру, написанная во Франции в пору Второй мировой войны⁹.

Характерно, что Марру как раз меньше внимания уделяет оригинальным философам Греции, его интересуют именно проблемы воспитания, а в этом отношении для него софисты и спартанцы интереснее, чем Гераклит или Эмпедокл. Это описательная история с достоинствами и недостатками такого жанра, книга не поможет понять, отчего Греция дала столько мыслителей, как на ее расцвет повлияла система воспитания. Марру, противопоставляя Исократу Платону, писал: «Речь не идет о восхождении в небо Идей, об игре парадоксами: практическая жизнь требует не новых потрясающих идей, а испытанного здравого смысла, источником которого является традиция»¹⁰. Понятно, что философам было что возразить подобным утверждениям, ибо даже практическая жизнь невозможна без творческого отношения к новым идеям, без устремленности к высшим смыслам бытия человека.

Платон высоко ценил образное мышление, в его диалогах обнаруживаем неразрывность философии и поэзии, наполненной художественными образами. «Пир» – это воплощенная гармония философии и поэзии, но в то же время демонстрация превосходства философии над поэзией.

Поиски Платоном идеального государства невольно сближали его с идеализацией воспитательной роли государства, которая была в его время реализована в Спарте. Сам принцип государственного воспитания ему импонировал, но он не мог принять казарменные принципы Спарты, где «высший смысл государства – пайдейя, то есть систематическое утроение

---

⁸ Платон. Протагор // Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1968. Т. 1. С. 193.

⁹ Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). – М.: Просвещение, 1998. – 410 с.

¹⁰ Там же. С. 132.

жизни в согласии с определенными принципами, подчиняющее всех индивидуумов абсолютной норме»¹¹.

В то же время, прозорливость Платона проявилась в том, что он указал на необходимость усвоения в воспитании общественно-значимых норм, включенности человека в жизнь государства и преодоление индивидуализма, автоматизированности человека. Противоречие индивидуальной свободы и социальных норм, удерживающих целостность государства, воспроизводилась в истории человечества постоянно, и мысли Платона не теряли актуальности. Йегер констатирует: «Государство – как его понимали греки – всецело приобретало политико-воспитательный характер. Из глубинных жизненных потребностей государства выросла воспитательная идея, признающая знание – новую могущественную силу той эпохи – человекообразующей силой»¹².

Идеи Платона нацеливали на стремление в воспитании к высшим образцам. Чувственные вещи – это лишь отпечатки идеальных образцов, прототипов. Любовь, например, в ее идеальном воплощении недостижима, но это тот маяк, предел, к которому человеку надо стремиться. Математики неслучайно считают, что Платону принадлежит постановка проблемы предела. Он действительно высоко ценил математическое знание: над входом в открытую им Академию были начертаны слова: «Не геометр да не войдет!» (кстати, широко используемое впоследствии слово «академия» возникло достаточно случайно, поскольку школа Платона располагалась в том месте Афин, которое называли по имени героя Академа).

В обыденной жизни люди, согласно Платону, часто обманываются, поскольку доверяют внешним впечатлениям. Опровергая подобный наивный реализм Платон прибегает к образу пещеры со слабым освещением, где находящимся в ней людям видны лишь тени вещей, а не сами вещи. Чувственный мир – это и есть человеческая пещера, от которой скрыт подлинный мир, который может быть познан лишь разумом. Невозможно лишь чувственно распознавать какую-либо встречающуюся в жизни вещь как прекрасную, надо обладать идеей прекрасного, чтобы в свете ее видеть любую вещь как прекрасную или безобразную.

В диалоге «Государство» Платон выделяет три сословия и, соответственно, три способности человеческой души: 1) разумная (идеально-умственная) – это философы; 2) целесообразно-волевая – это воины, стражи; 3) инстинктивно-чувственная – это крестьяне и ремесленники. В идеальном государстве правители должны быть философами, они обязаны быть разумными кормчими. Добродетелью воинства должно быть мужество, а у третьего сословия – основными добродетелями Платон считал трудолюбие, умеренность, почитание правителей и воинства.

Все сословия требуют соответствующего воспитания, поскольку у каждого человека свое предназначение. Особое воспитание требуется для монарха: монарх должен служить не отдельным группам людей, а государству и всем его гражданам. Монархия может быть наилучшей формой правления, если строится на мудрости правителя и разумных законах, но монархия становится наихудшей формой правления, если превращается в тиранию. Когда же ослабевает сила власти монарха, то приходят энергичные честолюбцы и стяжатели – наступает демократия, которая приводит к охлократии – власти толпы, после чего не находится иного варианта, кроме тирании.

Масштабность взглядов Платона на формирование человека выразилась в том, что воспитание отдельного человека неразрывно связано с политикой, правом, этикой, педагогикой, со всей совокупностью задач государства. Государство – это большой человек. Спаситься от вырождения, по Платону, можно только через систему воспитания. Особым образом сле-

---

¹¹ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. – М., 2001. Т. 1. С. 118.

¹² Там же. С. 337.

дует воспитывать правителей, чтобы их не увлекал частный, своекорыстный, честолюбивый интерес, а заботила идея общего блага.

Высшие ступени образования Платон связывал с глубоким постижением философии и самостоятельным включением в философские споры. Оспорить своего учителя можно лишь на стадиях изучения диалектики, философии, а это происходит лишь после тридцати лет, то есть в зрелом возрасте. Напомним, что образование для Платона – дело всей жизни. Высшее образование должно начинаться после воинской службы юношей, около десяти лет нужно постигать различные науки. Пятьдесят лет уходит на то, чтобы вырастить человека, – считал Платон. Хотя и принято считать, что античность не знала понятия «личность», но в воспитании личностный подход к ученику проявился и в платоновской академии, и в аристотелевском лицее (лицее). Марру даже пришел к выводу, что Платон заложил «основы персоналистического образования философа классического типа»¹³.

Не менее значима для понимания пайдеи Платона не только работа «Государство», но его позднее сочинение «Законы», хотя многие комментаторы великого философа считали, что он изменил в «Законах» прежним своим сократовским симпатиям. В самом деле, в ранних диалогах – «вечное творчество», в «Законах» – вечное повиновение законам¹⁴. При внимательном отношении к текстам Платона обнаруживается, что и своими «Законами» он творчески превосходил своих современников, хотя внешне ушел от бесконечных сомнений и стал утверждать необходимость устойчивости жизни общества, то есть стал консерватором. Своими «Законами» он тоже противостоял стереотипам эпохи, то есть парадоксально показывал, что творчество и консерватизм – не антиподы, если они разумны.

До сих пор в учебниках по истории философии и педагогики встречаются отрицательные оценки позднего Платона, который будто бы утверждал, что человек – это кукла в руках богов. Но в «Законах» о куклах на самом деле говорит Афинянин, причем не утверждая, а лишь предполагая: «Представим себе, что мы – живые существа – это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью: ведь это нам неизвестно»¹⁵. Кроме того, следует обратить внимание на то, что приведенное высказывание сам Платон называет мифом: «Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели; как-то яснее стало бы выражение «быть сильнее или слабее самого себя». Таким образом порок и добродетель будут у нас яснее разграничены»¹⁶.

Платон, таким образом, и в «Законах» не изменяет идеалам Сократа, по-прежнему размышляет о задачах воспитания мудро и дальновидно. И все его диалоги значимы для педагогической антропологии. Верно заметил русский философ начала XX века В. Ф. Эрн: «Мы должны обозреть творения Платона в поисках основной записи его духовного опыта»¹⁷.

В ранних работах Платон считал, что Идея и реальная жизнь несопоставимы, потому философ не должен заниматься общественными делами. Позднее он пытался приблизить мир идей к их земной реализации: в видимом мире есть восприимчивость к идеальному – к добру, истине, земное стремление возвыситься к божественному Платон называл любовью. Любовь – это стремление смертного и конечного приблизиться к бессмертному, бесконечному, это стремление к красоте, к идеальному, это Эрос в его возвышенных формах. «Эрос – не бог, но нечто божественное, посредник между вечной и смертной природой, могучий демон, связывающий небо и землю... Высшее явление Эроса в душах добродетельных и

---

¹³ Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). – М.: Просвещение, 1998. С. 116.

¹⁴ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Жизнеописание. – М., 1977. С. 217.

¹⁵ Платон. Протагор // Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 108.

¹⁶ Платон. Протагор // Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 109.

¹⁷ Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Эрн В. Ф. Сочинения. – М., 1991. С. 473

истинно философских побуждает их к рождению, но не в смертном «бывании», а в красоте и бессмертии»¹⁸, а это возможно только в творчестве.

Платон всегда был близок русской культуре, и о нем у нас писали несравнимо больше, чем об Аристотеле. Платон своей поэтичностью, стремлением к идеальному приближал культуру к новому историческому этапу развития в лоне христианской религии. Он даже посвоему писал о внутреннем и внешнем человеке, предвосхищая учения патристики.

---

¹⁸ Соловьев В. С. Платон // Собрание сочинений. – СПб., 1907. Т. IX. С. 216.

1.2. Этический антропологизм софистов

Софистика, будучи продуктом демократической ситуации, сложившейся в Древней Греции, явилась результатом вовлечения политико-правовой проблематики в сферу философской рефлексии. Подъем софистики приходится на V в. до н. э., период расцвета рабовладельческой демократии в Афинах. Софистами называли странствующих, платных учителей мудрости, которые (порой за совершенно умеренную плату) брали на себя ответственность по подготовке юношей к занятию политической деятельностью. В центре внимания софистов находятся политико-правовые вопросы. Но также обратим внимание на то, что понятием «sophistes» в древнегреческой традиции именовали тех, кто достиг совершенства в какой-нибудь области. Но со временем значение этого слова обесценивается и даже становится бранным, софистика понимается как подражание мудрости, искусство мудрости, а следовательно, искушение.

Не смотря на разнообразие тех проблем, которые поднимали софисты, все же объединяет их осознание принадлежности к общей профессии – быть «платными учителями мудрости». Мудрость в данном контексте означает знание, опытность, смекалку в конкретном деле. Каким вещам учили софисты? – Весьма разнообразным... Будучи очень пестрой по интересам и располагаемым знаниям публикой, они были знатоками политики, закона, права, натурфилософии, астрономии, медицины, дипломатии, поэзии, риторики, грамматики, генеалогии, моральных правил, эристики и т. п.

Выдающийся российский антиковед А. Ф. Лосев отмечает то обстоятельство, что данный исторический период характеризуется растущим индивидуализмом и анархизмом, вызванным становлением демократии, пришедшей на смену аристократическому способу правления. Уравнивание прав свободных граждан постепенно приводило к атомизации общественной жизни со всеми вытекающими последствиями. Греческую софистику он очень удачно определяет как «греческое Просвещение», поясняя при этом, что «если вся досократическая философия есть греческое Возрождение (понимая древнюю мифологию как греческую архаику и Средневековье) с переходом в антитезу рационализма и эмпиризма (антитеза элеатства и гераклитизма), то софисты – это типичнейшие просветители, т. е. скептики, рационалисты, индивидуалисты и анархисты»¹⁹.

Для софистов существенным был поиск учеников, приводивший к многочисленным странствиям, т. к. их материальный и жизненный успех во многом зависел от тех гонораров, которые они получали за обучение. Софисты придерживались представления о том, что добродетель человеку не дается от рождения и не зависит от благородства крови, но основывается только на знании. Распространение знания было для них профессиональным делом, требующим платы. Софисты действительно были первыми просветителями, открыв доступ к «высшему образованию» для широких слоев населения (в то время как прежде подобное образование было доступно лишь для аристократии).

Деятельность софистов была нацелена на поиск знания, которое было бы не врожденным от природы или богооткровенным, а приобретенным в процессе человеческого воспитания и обучения. Их основной род деятельности заключался в педагогике, которую они профессионализировали и внутренне структурировали. Следствием этому было использование искусственных приемов преподавания. Преподавательской задачей было функциональное упражнение в общении, погружение в стихию языка и создание напряженности человеческого общения. В этой словесной игре софисты действительно достигли высокого искусства. Но расплатой за такую игру стал отрыв слова от бытия и мышления, что естественно при-

---

¹⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. – М., 1969. С. 13.

вело к релятивизации этики, формализации знания и утрате его сути, возникновению логических и лингвистических ловушек в виде софизмов и парадоксов.

Подобные дискурсивные практики нередко перерождались в словесную тяжбу, риторические упражнения, пространные обоснования, часто затемняющие существо дела и отвлекающие слушателей так, что большинство из них, увлекшись риторикой, забывало о сути вопроса. Злоупотребление словом подогревалось уверенностью в том, что с помощью языка, искусной речи и риторических приемов можно убедить толпу и одержать победу над противниками. Можно сказать, что деятельность софистов способствовала *секуляризации* древнегреческой религии: наряду с посвящением в языческие мистерии появилась возможность массового «светского» образования. Но нужно иметь в виду то обстоятельство, что сочинения софистов не сохранились, поэтому их взгляды можно реконструировать с учетом поправок по текстам полемизировавших с ними Платона, Аристотеля и авторов жизнеописаний (Диоген Лаэртский, Секст Эмпирик и др.).

Характеристику софистической традиции начинают, как правило, с учения *Протагора*. Он был родом из Абдер и поэтому, вероятно, близко изучил философию атомистов. Онтологический плюрализм его земляка Демокрита, представление о человеке как микрокосме, равно как и концепция различения знания и мнения, восходящая к Пармениду и Гераклиту, повлияли на характер мысли Протагора. Пребывая в Афинах, он был близок реформаторскому кругу Перикла, разрабатывая по его заказу демократическое законодательство для новых греческих колоний, параллельно занимаясь своим основным ремеслом – обучением «мудрости» и писанием книг, от которых сохранились небольшие фрагменты. Но в конце жизни Протагора изгнали из Афин, обвинив в атеизме за утверждение непознаваемости богов, причем его книги («О богах», «Об истине» и др.) были собраны у населения и уничтожены.

Протагор выдвигает принцип: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» (Секст Эмпирик, «Против математиков», VII, 60). Помимо человека нет абсолютного критерия, хотя и сам человек ненадежен в этом качестве. Следовательно, если все мнения истинны, значит, общей истины не существует? – Вероятно, Протагор полемизировал с элеатами, возражая против отрицания чувственного свидетельства. В противовес им он и выдвинул, по всей видимости, столь рискованное положение в качестве принципа. Но в умолчании остался вопрос: что является сущностью человека, позволяющей быть мерой всех вещей? Более глубоко данная ситуация была впоследствии осознана Сократом. Протагор работал над установлением правил и норм языка, стремясь внести порядок в языковую стихию своего времени. Как участник законотворческой деятельности полиса он пытался провести реформу и кодификацию и в этой сфере, разрабатывая основы грамматики и вводя определенные лингвистические классификации (различение времен глаголов, выделение типов предложений, характеристика диалога как особой формы сообщения и т. п.), используя в качестве примеров тексты Гомера.

Философско-гносеологический релятивизм Протагора давал повод к возникновению религиозного релятивизма. Из его книги «О богах» сохранилось широко известное положение: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать (это): и неясность вопроса и краткость человеческой жизни» (Диоген, IX, 51). По дошедшим свидетельствам ясно, что он отнюдь не покушался на ниспровержение богов традиционной ему религии, но считал их непознаваемыми в чувственном и интеллектуальном отношении. Хотя человек и является мерой всех вещей, но природные его пределы не дают возможности измерить божественную причину происхождения вещей.

Софистов можно квалифицировать как проводников «высшего» образования, предполагающего прежде всего развитие умения универсально мыслить и выразить это в слове. В

представлении софистов философия призвана служить средством развития рассудочности, научая желающих способам доказательства и убеждения, освобождая тем самым от предрассудков мифологического миропонимания.

Софистическую систему аргументации развил в направлении нигилизма и агностицизма еще один представитель этого движения – **Горгий из Леонтин**. Софистика Горгия начинается с констатации уязвимости элейского онтологического различия знания и мнения, он утверждает, что любое мнение ложно. Свою позицию он представил в работе «О природе, или О не-сущем», само название которой было провокационным по отношению к соответствующему жанру натурфилософских трактатов. Если Парменид или Мелисс в своих сочинениях «О природе» выдвигают тезис «бытие есть», то Горгий начинает с прямо противоположного. В структуре его концепции содержатся три последовательных пункта: 1) бытия нет; 2) если бытие и есть, то оно немыслимо; 3) если оно мыслимо, то это невыразимо. Данная негативная установка, сформулированная достаточно четко и развернуто, стала впоследствии основой скептицизма как такового. Отрыв слова от мышления, а мышления от бытия приводит к тому, что и язык, и мысль понимаются как нейтральные и самостоятельные сферы.

Столь негативная точка зрения открывает возможность изучения языка как спонтанно-творческого процесса. На этой зыбкой основе Горгий пытается воздвигнуть начала новой науки, риторики, понимаемой как искусство научения человека убеждающей речью. Риторическая функция языка, действительно, относительно автономна от других функций. Творческие возможности риторики коренятся в поэзии и еще дальше – в мифе. Но если происходит отрыв языка от этой питающей почвы, то он может вырождаться в пустое искусство вербальной манипуляции толпы. Умение риторически оформлять публичную речь было достаточно популярно в Древней Греции, а обучение ему пользовалось большим спросом и было актуальным делом в кругах, ориентированных на социальный успех.

Горгий изучал и преподавал систему риторических фигур, усиливающих выразительность и экспрессивность речи, а также создавал основы классификации тропов (гипербол, метафор и пр.), т. е. оборотов речи в переносном смысле. Сам он блестяще использовал эти приемы в своих насыщенных экспромтами речах, получивших название «горгианских», напоминающих утонченную и остроумную игру.

Давая общую оценку софистике следует охарактеризовать ее как важный этап развития античной философии и культуры. Утрируя недостатки предыдущих учений и разрушая старое, софисты предоставили возможность возникновению нового. Их деятельность не является только деструктивной. Софистический дискурс – это опыт совершенствования и оттачивания рассудочной мысли, а также создание предпосылок философии языка. Софисты пытались систематизировать и типологизировать логические формы умозаключений и суждений, разрабатывали грамматические структуры языка, необходимые для более продуктивного преподавания. Особое внимание они уделяли творческому потенциалу слова, в частности, таким явлениям, как полисемия и синонимика. Без упорядочивания языка невозможно было ожидать порядка в общественно-политической жизни. Важным достижением софистов было признание эвристической роли диалога в образовании и жизни человека. На этой основе развивалась *эристика* (наука о правилах ведения спора) и *риторика* (искусство красноречия), имеющие важное значение для изучения возможностей человеческого общения.

Конечно, некоторые софисты злоупотребляли своими познаниями и умениями, изобретая или обнаруживая парадоксальные ситуации в языке и мышлении, и выводя ими из равновесия неискушенных людей. Но через этот опыт искушения ума необходимо было пройти. Плод софистической лукавой выдумки – софизм, был внешним негативным поводом для развития *логики*. Сократ и Платон детально изучили положительные и отрицательные стороны софистического дискурса, выдвигая свои контраргументы против релятивистских и ниги-

листических выводов (Платон посвятил анализу учений софистов несколько своих важных диалогов: «Протагор», «Горгий», «Евтидем», «Софист» и др.). Позднее Аристотель, имея в своем распоряжении более совершенные логические средства, разработал методологию распознавания и нейтрализации софизмов в трактате «О софистических опровержениях».

В софистике философия получает прикладное значение в качестве воспитательного и образовательного средства. Формируя и укрепляя субъективную рассудочность, «странствующие учителя мудрости» своей деятельностью способствовали освобождению философского сознания от мифологического миропонимания, эмансипируя человеческую личность до тех пределов, которые были возможны в данную эпоху. В качестве заключительного вывода приведем яркое и содержательно емкое высказывания немецкого историка античной философии и культуры Теодора Гомперца: «Злосчастье, постигшее софистов, было то, что они умерли. Странствующие учителя не основали школы. Не было толпы верных учеников, которые могли бы сберечь их писания и сохранить их память. Уже через два столетия от их литературных произведений сохранились лишь жалкие остатки; а из последних до нас дошли только немногочисленные отрывки; бесстрастных свидетельств их деятельности у нас совершенно нет»²⁰.

---

²⁰ Гомперц Т. Греческие мыслители. – СПб., 1999. Т. 1.

1.3. Антрополого-образовательные концепции Платона и Аристотеля: Академия и Ликей

Платоновская образовательная парадигма явилась результатом теоретического синтеза, к составляющим элементам которого следует отнести античную мифологическую традицию, интуитивизм досократиков, софистическо-сократический дискурс, сократовский диалог и пифагорейский эзотерический идеал образования, основанный на математике, призванный очистить ум от чувственных представлений. По преданию на входе в Академию была помещена надпись: «Не геометр, да не войдет». Известно, что по существу в указанном учебном заведении была реализована пифагорейская модель образования, предполагающая совместный образ жизни и возвышенность помыслов.

Первоначально платоновская школа располагалась в гимнасии Академа. Впоследствии **Платон (427–347 гг. до н. э.)** купил небольшой участок земли по соседству, где могли собираться и даже жить члены Академии, осуществив таким образом пифагорейскую идею о совместном проживании и едином образе жизни философов, основанном на интеллектуальной и духовной общности. По свидетельствам Диогена Лаэртского земельный участок для Платона купил Анникерид Киренский, где тот и провел большую часть своей жизни в занятиях философией, отчего и его школа получила название академической²¹.

Платоновская Академия представляла собой содружество свободных и равных людей. Ее создание было первым практическим шагом в реализации *политических идеалов* Платона. Не следует забывать, что общими у Пифагора и Платона были сильные политические амбиции. Вследствие последних Пифагор в сорок лет покинул Самос и уехал в Италию, считая тиранию Поликрата слишком суровой, чтобы свободный человек мог спокойно переносить ее деспотизм. Платон совершил три путешествия на Сицилию, пытаясь через вразумление и просвещение сиракузских тиранов оказать воздействие на государственное устройство острова и реализовать свою политическую утопию, описанную в «Государстве». Знание не рассматривается у Платона как только теоретическое вне его политической направленности, связанной с мечтой о реформе греческой жизни и преобразовании государственного строя путем воспитания людей.

Одновременно знание есть преображение человека, его добродетель, а, следовательно, оно выполняет *этическую функцию*. Единство двух названных целей, политической и этической, является существенной особенностью образовательной парадигмы Платона. Философ у него не только мыслитель, но и законодатель, и высоко нравственный человек. Поэтому Академия должна была сообщить своим воспитанникам знание, которое было бы по своему существу высоко нравственным и рациональным.

Принцип свободы и равенства не сводился только к отказу от взимания платы, но в целом определял духовную атмосферу в платоновской школе, являясь регулятором межличностных отношений. В Академии царил дух свободомыслия и совместного творчества, а потому среди учеников Платона мы не найдем таких, которые бы слепо следовали идеям своего учителя. Более того, там существовали разногласия по поводу существенных аспектов платоновской философии. Дух сотворчества предполагал не только согласие, но и борьбу мнений, напряженную полемику, в которой их объединяло совместное стремление к Благому. К организационным принципам Академии, во многом предопределившим ее долгожителство (платоновская школа просуществовала более 1 тысячи лет) следует отнести знаменитые академические свободы – свободу творчества, критики и дискуссии.

---

²¹ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986. С. 142.

Члены Академии делились на старших и младших: старшие академики – это ученые и преподаватели во главе со схолархом, а младшие члены – это ученики. Также известно, что слушатели платоновской школы, желая выделить себя из массы горожан, соблюдали внешнюю атрибутику, носили накидки (или плащи) особого покроя. Среди старших членов Академии Диоген Лаэртский упоминает Спевсиппа Афинского, Ксенократа Халкедонского, Аристотеля Стагирита, Филиппа Опунтского, Гераклида Понтийского, Евдокса Книдского и др.

В Академии ежегодно праздновали день рождения Платона, который совпадал с днем рождения Апполона²². Это совпадение греки считали не случайным и в легендах часто приписывали Платону не только царское, но и божественное происхождение, что в целом не представляется удивительным, т. к. в эзотерической традиции мифологизация знаний нередко сопровождается мифологизацией самих носителей этого знания. Общеизвестно, что Платон в Академии стремился развивать пифагорейское учение о пределе и беспредельном и соединить это учение с сократовской идеей Блага. Пифагореизм является для Платона духовной опорой и ориентиром в преподавательской деятельности, о чем он пишет в Письме VII: «Никто из нас еще не родился бессмертным, и, если бы это с кем-нибудь случилось, он не был бы счастлив, как это кажется многим: добро и зло не имеют цены для бездушных тел; но они важны для каждой души, как сопряженной с телом, так и отделившейся от него. Воистину надлежит следовать древнему и священному учению, согласно которому душа наша бессмертна и, кроме того, после освобождения своего от тела подлежит суду и величайшей каре и воздаянию» (*Платон. Письма, VII, 334e-335a*).

Эзотерическое учение, близкое к учению пифагорейцев, бывшее предметом лекций «О Благее», Платон стремился донести до людей, соблюдая все необходимые меры предосторожности, тонко определяя меру высказываемого и невысказанного (во избежании возможной профанации истины), через: 1) письменные диалоги – тем, кто «вопросил об истине» и нуждался в трактатах, содержащих обстоятельные логические и мифологические толкования; 2) устные диалоги – желающим осуществить совместный поиск истины и достичь ее в ходе совместного преображения; 3) устные лекции – ближайшим ученикам (посвященным).

Ученик Платона *Аристотель (384–322 гг. до н. э.)* не оставил нам трактата по философии образования, но несомненно то, что эта проблема интересовала его и теоретически (как мыслителя), и практически (как главу и основателя выдающейся школы античности). Грандиозный педагогический опыт Стагирита нашел отражение как в его философии, так и в естественно-научных изысканиях. Интерес к вопросам образования и воспитания как сквозная проблема проходит через многие его сочинения. Составленная Аристотелем и его учениками античная энциклопедия знания в течении тысячелетия задавала ориентиры мышлению философов, формируя европейскую ученость.

В отличие от платоновской Академии, политические мотивы не стали определяющими при создании Ликее, в стенах которого Аристотель реализовался как философ и учитель. Введение в систему ликейского обучения предметов, имеющих отношение к политической практике и рассчитанной на людей, желающих изучить принципы государственного устройства и стать его проводниками, было вызвано, скорее, намерением понять и разрешить фундаментальную философскую проблему «единичного – общего». Мало иметь образованного разумного монарха, необходимо еще и образовать соответственно народ, находящийся под его управлением.

Деятельность Аристотеля в созданной им школе была одухотворена принципом *разумного единства мира*. Стагирит основал свою школу в окрестностях храма Аполлона Ликейского, находящегося с северо-восточной стороны Афин, в стенах гимнасия Ликее, постро-

---

²² Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 137.

енного еще при Перикле. Несомненно, существование школы вблизи храма Аполлона Ликейского было делом весьма символическим и обязывающим. Мифологический образ Аполлона выражал идею индивидуального разумного начала, активной способности света, проявляющейся в воле к собиранию окружающего хаоса в единый космос. Знание как просветляющее (просвещающее) начало еще со времен Сократа считалось главной добродетелью человека, удерживающей его на стезе нравственности. Поэтому в Ликее, помимо алтаря и святилища муз, была еще и библиотека, одна из крупнейших в истории классического периода античности²³.

Необходимо отметить преемственность и различие педагогических стилей Платона и Аристотеля. Глубоко осознав одну из основополагающих идей Платона о полной и последовательной систематизации отдельных знаний, способствующей формированию единого образа бытия, Аристотель критически относится к мнению своего учителя о том, что абсолютное не может быть достигнуто посредством рационального познания (*Платон*, Письмо VII). Аристотелизм вырастает из платонизма, обнаруживая новые интеллектуальные возможности и находя иные пути их реализации. В Академии, несомненно, проводились систематические исследования, но стремление к объединению наук сводилось в основном к развитию диалектики, как вершины познания. Конкретные науки рассматривались здесь как подготовительные ступени к эзотерическому знанию.

Немаловажным обстоятельством является то, что Аристотель поступает в Академию в 369 г. до н. э., когда ее теоретические интересы и приоритеты были связаны с утверждающимся в ней философско-математическим орфико-пифагорейским мировоззрением, а также с развитием платоновского учения о диалектике идей. Помимо Платона большое влияние на Аристотеля в Академии оказал Евдокс Книдский, блестящий математик-геометр, знаток астрономии, географии, этнографии и медицины, существенно ожививший в эмпирическом смысле платоновский идеализм²⁴. В своем учении Евдокс исходил из единства эмпирического и теоретического, считая идею принципом эмпирического существования вещей, сближая материализм и идеализм.

Интенсивная преподавательская деятельность не могла не отразиться на характере философского творчества Аристотеля. В частности, все созданное и написанное Аристотелем в Ликее (в отличие от написанного в доликейский период) не имеет литературной формы и, по сути, является подготовительным материалом к лекциям, читавшимся перед подготовленной к такого рода преподаванию аудиторией²⁵. Это обстоятельство, по всей видимости, хорошо осознавалось мыслителем, со всей тщательностью составлявшим свои лекционные проспекты и конспекты, из которых выросли тома аристотелевского письменного наследия. Аристотелевский дискурс логически последователен, непрерывен, дидактически оформлен. Лекции, насыщенные точными определениями и обстоятельными рассуждениями, где анализ и описание деталей, стремление к дифференциации понятий преобладали над синтетической функцией, оказывали особое воздействие на слушателей своей убеждающей эмпирической силой, а также безукоризненной логикой и предельной однозначностью употребляемых понятий. Цель лекции состояла не только в подведении слушателя к какому-либо научному результату или в изложении определенного содержания. Слушая, ученик осваивал метод мышления и способы исследования причин. Сам ход изложения и обсуждения теоретических и практических вопросов, безусловно, имел образовательную ценность.

---

²³ Романенко И. Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. – СПб., 2002. С. 119–120.

²⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М., 1975.

²⁵ На данное обстоятельство обращают внимание многие исследователи: А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи, П. Адо, В. Йегер, Дж. Линч, Г. Чернис и др.

Необходимо отметить демократические тенденции в ликейском преподавании: в отличие от эзотеризма предшествующих школ, доступ в Ликей был открыт для всех, без ограничения.

Существенной чертой творчества Стагирита (также как у Платона и Сократа) остается настроенность на диалог и обращенность к живому человеку. Аристотель ориентирован на живое восприятие и доверительное отношение, которое он подкрепляет безукоризненной доказательностью и строгостью суждений, эмпирических наблюдений, стремлением к достижению единства знания путем тончайшего и всестороннего анализа отдельных фрагментов действительности. Эти интенции трансформируются в принципы обучения, в силу чего знание обретает способность быть транслируемым посредством научения и приобретения убеждения.

Не до конца упорядоченное состояние аристотелевских текстов, с многочисленными дефектами и пропусками, породило у исследователей предположение, не являются ли многие из сохранившихся сочинений записями его слушателей. Действительно, после смерти Аристотеля его ученикам во главе с Теофрастом досталось большое количество литературно не оформленных и не упорядоченных рукописей, с которыми они начали работать, по всей видимости, еще при жизни учителя, после его отъезда из Афин. Тогда они стали переписывать и редактировать некоторые тексты, с целью их тиражирования, храня верность философскому завещанию главы школы.

Драматическая судьба *Corpus Aristotelicum*, несомненно, является причиной того, что проблема происхождения многих его разделов, их аутентичность (подлинность) является дискуссионной и в ряде аспектов открытой. Лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств корпус аристотелевских работ достался Андронику Родосскому. Известный римский грамматик тематически упорядочил сохранившиеся тексты, разбил их на трактаты и озаглавил те из них, которые утратили в ходе двухвековых странствий свои прежние названия. Поэтому хорошо знакомые нам названия аристотелевских сочинений не совпадают с теми, которые приводит Диоген Лаэртский. Представленный последним список очень существенен и включает в себя упоминания об утраченных трактатах, свидетельствующих о силе и размахе исследовательского дара Стагирита. Трудно предположить, какого рода тексты получил Андроник Родосский: оригинальные конспекты лекций, составленные самим основателем перипатетической школы, лекции-записи учеников или лекции-копии.

Помимо Аристотеля в Ликее преподавали Теофраст, следующий схолярх и первый законный владелец Ликей, Евдем, впоследствии возглавивший филиал школы на острове Родос. Оба занимались изучением широкого круга вопросов, но в большей степени специализировались в области естественно-научных изысканий. При этом они не отделяли своего творчества от деятельности великого Учителя, но даже отождествляли с ней. При создании биологических и физических трактатов Аристотель нуждался в помощниках и, безусловно, получал много информации от своих учеников. Но, как было принято в традиции античности, авторство оставалось за главой школы. Занятия в Ликее велись практически по всем известным в ту пору областям знания: «первой философии», логике, математике, физике, биологии, этике, политике, риторике и пр. Именно Ликей (а не платоновская Академия) в большей степени явился прообразом европейского университета Нового и новейшего времени, где наряду с методически последовательным и дидактически организованным учебным процессом велись системные исследования по всем направлениям научного познания.

1.4. Эллинистическая пайдейя: новые модели образа жизни человека

В историографии *эллинизм* обычно характеризуется как трехсотлетний период (338–30 гг. до н. э.) в истории восточного средиземноморья и прилегающих к нему регионов, оказавшихся в результате завоеваний Александра Македонского под политической властью македонской аристократии и духовным влиянием греческой культуры и образованности. Наступление эллинизма означало конец эпохи древней демократии и начало периода монархических правлений. В условиях эллинистических монархий человек больше не участвует в управлении государством: из гражданина полиса он превращается в подданного монархического государства, управляемого наследственным монархом. Патриотизм трансформируется в космополитизм как следствие многократно расширившихся границ социума. Привыкший к ощущению свободы за минувшие столетия грек теперь стремится обрести ее внутри собственной индивидуальности и узком окружении единомышленников.

Эллинизм характеризуется распространением философии, проникновением ее в различные сферы человеческой деятельности, изменением социального статуса философа. Эллинистическая философия оказывается по-настоящему востребованной обществом, становясь необходимым элементом образования. «Философы образуют особый класс, пользующийся особыми правами и привилегиями»²⁶. Философы выступают в совершенно новых социальных ролях, выполняя функции советников, законоучителей, дипломатов, духовников, воспитателей, наставников, проповедников и т. п. Теперь они занимаются решением не только теоретических, но в значительной степени практических задач. Существенно расширяется их ученическая аудитория: с морально-этическими научениями они обращаются теперь и к бедным, и к богатым, правителям и подданным, эллинам и варварам, тем, кто живет в столице и на окраинах империи. О расширении сферы деятельности эллинистических мыслителей можно говорить в нескольких аспектах: социальном, интеллектуальном, жизненно-этическом, педагогическом и историко-географическом.

Возникнув и парадигмально оформившись в Греции, философия стала экспансивно распространяться за ее пределы, осваивая новые территории и находя новые источники вдохновения, укореняясь в новой почве и давая новые всходы. Эллинистическое государство расширялось, нуждалось в сохранении своей целостности, обоснованной новым единым мировоззрением, которое могло бы заменить разлагающиеся во внутренних противоречиях традиционные народные верования. Поэтому основную цель эллинистической философии можно сформулировать как *приобщение к новому образу жизни* через усвоение определенных правил, норм, идеалов и ограничений.

Образовательная сфера данного периода складывалась из деятельности:

- 1) двух старых школ (Академии и Ликей, приспособившихся к новым реалиям жизни);
- 2) двух новых школ (Стоя и эпикурейский Сад, обозначивших новые интеллектуальные стратегии);
- 3) двух неинституционализированных течений (кинизм и скептицизм).

Востребованные обществом новые модели жизни человека формировались на фоне интеллектуальных споров и столкновения мировоззренческих убеждений различных школ. Старые и новые философские традиции (стоицизм, эпикуреизм, скептицизм, неоплатонизм), находились в состоянии «конкурентной» борьбы, будучи, вместе с тем, определенными единым контекстом античной культуры. Общее состояние данного этапа античной эпохи можно

---

²⁶ Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. – М., 1997. С. 455.

охарактеризовать понятием «эkleктизм». Невероятное смешение национальностей в эллинистической ойкумене создавало значительные трудности для власти, стремившейся к объединению множества языческих верований. Но эkleктика не является простым, мозаичным объединением разнородных частей, являясь достаточно серьезным философским методом и одновременно показателем степени целостности культуры. Эkleктика есть формальное предвосхищающее объединение того, что может быть объединено сущностной связью в будущем.

Переход аналитико-исследовательских интенций в область практических задач осуществлялся через усвоение определенных правил и идеалов. Эллинистические школы и течения продолжали развивать основные пункты античной образовательной парадигмы: *интуицию и дискурс*, разрабатывая свой собственный категориальный аппарат, систему аргументации и демонстрации, параллельно проповедуя соответствующий стиль жизни и привлекая в свой круг последователей. Рассмотрим основные теоретические и практические нововведения в содержании античной парадигмы на материале деятельности данных школ.

Радикальный отход от классического образа пайдеи с ее рационально-этической системой ценностей предприняли *кинники*. Основателем кинизма является *Антисфен* (ок. 455 – ок. 360 гг. до н. э.), хотя наиболее яркой и скандально известной личностью считается *Диоген Синопский* (ум. ок. 330 г. до н. э.), усиливший суровость и радикализм своего учителя и подтвердивший ценностные ориентиры кинизма – *материальную бедность, аполитичность, самодостаточность*. Эта маргинальная сторона античной культуры была как бы негативным фоном проявления идеальной стороны образовательной парадигмы. Киники были практиками, так сказать, «уличного» воспитания, противостоявшего социально приемлемым нормам. Но, вместе с тем, их опыт имел в себе и некоторый позитивный потенциал.

Существовавшие в среде киников отношения между учителем и учеником и их асоциальность не привели, в конечном счете, к институционализации этих течений, но отразились на исповедуемых ими идеалах и образе жизни. Так, самоопределение киников происходило через противопоставление себя обществу, через обнаружение крайностей человеческого существования. Они сумели ощутить и по-своему выразить новые настроения в развитии современного им общества. Девиз Диогена «Ищу человека!» лишь по форме ироничен, но по существу является извещением о новом человеческом предназначении – *свободе*, являющейся серьезным испытанием.

Свобода у киников, в большей степени, имеет негативный характер. Они призывали отказаться от всего, что мешает свободному человеку: богатства, наслаждений, изнеженности, власти, славы, культурных условностей. Манифестация свободы, лишенной иллюзий, требует особых методов тренировки души и тела – *аскезы*. Закалка, самоограничение, несъятость, умение противостоять голоду и холоду, порождают идеалы *автаркии* (самодостаточности) и *апатии* (безразличия). При этом учитель воздействует на ученика не силой аргумента, а своим образом жизни. Обоснование сводится к демонстрации, дискурс минимизирован, научение осуществляется через призыв к свободной, независимой, самодостаточной жизни. Но при этом нельзя не оценить вклада киников в разработку принципиальных понятий античной философии: аскезы, автаркии, атараксии, апатии, придававших киническому мировоззрению своеобразную форму убеждения.

Переход от аристократического по духу интеллектуализма к просветительству в широком смысле обусловил духовный сдвиг, произошедший в пределах эллинистического мировоззрения. Философия становится достоянием отдельного человека, помещенного в кризисную ситуацию выживания. Человек все больше уходит вглубь себя, осознавая, что для достижения счастья недостаточно государства, социальных образований, богатства и знатности. Чтобы быть счастливым, человек не нуждается ни в чем, кроме себя самого. Мысли-

тели эллинизма в своих учениях исходят из самодостаточности и автономности отдельной человеческой личности.

Изучение физики и логики, как фундаментальных дисциплин, было направлено на разработку этического идеала. Философские концепции эпикуреизма и стоицизма имели достаточно системный характер. Противоречие между «единичным» и «общим» было по-новому осознано в новых исторических условиях. В практике преподавания и жизненного показа идеала мудреца определяющие моменты образовательной парадигмы Античности – интуиция и дискурс – начинают приобретать личностную окраску.

В *Эпикуре (341–270 гг. до н. э.)* воплотился дар выдающегося учителя, миссионера, проповедника и врачевателя. Известно, что он был учителем «во втором поколении» (его отец Неокл также учительствовал на о. Самос в качестве афинского посланника). Под воздействием сочинений Демокрита Эпикур начал заниматься философией и в 306 г. до н. э. создал собственную школу «Сад» в предместье Афин вдали от городской суеты. В учебном заведении нового типа прямо преследовалась цель не просто обучать философии, но пропагандировать и воплощать в жизнь новые идеалы и соответствующий им образ жизни. Над входом в «Сад» было помещено изречение, настраивающее посетителей на особый лад: «Гость, тебе будет здесь хорошо; здесь удовольствие – высшее благо». Об авторитете наставника говорило еще одно правило, ставшее нормой жизни эпикурейцев: «Действуй всегда так, как если бы тебя видел Эпикур». Эти примеры являются красноречивым свидетельством императивов эпикурейской педагогической этики, отличающихся от девизов Сократа («Познай себя») и Платона («Не геометр да не войдет»).

Вместе с тем, культ учителя не мешал, а в некотором смысле способствовал установлению доверительных отношений между ним и учеником. Данное обстоятельство накладывало отпечаток и на стиль преподавания, практикуемый в школе. Стремление удерживать в памяти важнейшие постулаты учения, восходящие к методам обучения пифагорейской традиции, служило условием преображения человеческой личности. Другим важнейшим элементом эпикурейской пайдеи была дружба, которую представители этой школы ценили наравне с мудростью. «Благородный человек всего более занят мудростью и дружбой: одна из них есть благо смертное, другая – бессмертное»²⁷.

Как учитель и врачеватель человеческих пороков, Эпикур оставил своим ученикам целый свод житейских правил, своего рода заповедей, точно определяющих, как надо поступать в различных ситуациях. Примечательно, что каждое правило было обосновано в рамках учения и опытно подтверждено в жизни учителя. В этом Эпикур следовал античному философскому принципу единства жизни и доктрины. Эпикур пытался вселить своим ученикам уверенность перед лицом грядущей смерти и избавить их от страха перед ней: приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения; ведь все хорошее и плохое заключается в ощущении, а смерть – это бесчувственное состояние, не имеющее к нам никакого отношения; когда человек существует, то смерти – нет, а когда она приходит, то уже нет самого человека.

Сам Эпикур высоко ценил учительские наставления, но при этом видел и большую пользу в дискуссиях, сказав однажды: «При философской дискуссии выигрывает побежденный, – в том отношении, что он умножает знания»²⁸. Учительство понимается им как *духовное целительство*. Цель образовательной миссии он видел в том, чтобы научить человека наслаждаться гармонией жизни.

Особый интерес вызывает интеллектуально-этический и педагогический опыт *стоиков*, интерес к которому неоднократно будет возникать именно в переходные эпохи, «смут-

---

²⁷ Отрывки из Эпикура: Ватиканское собрание изречений // *Лукреций. О природе вещей*. Т. 2. М., 1947. С. 625.

²⁸ Там же. С. 623.

ные времена», когда человеку, чтобы сохраниться в нестабильных исторических условиях, нужно было черпать уверенность в себе. Общим принципом поздней античной философии является онтологическое единство человека, человечества и мирового целого. Вот почему столь важными для стоиков оказываются физика, логика и этика, рассматриваемые во взаимосвязи и служащие концептуальным выражением этого единства.

Выбор философской школы в период эллинизма означал избрание, прежде всего, образа жизни. Школа стоиков, основанная *Зеноном из Китиона (335–263 гг. до н. э.)* в афинской *Stoia Poikile* (Расписном Портике, или галерее), украшенном фресками художника Полигноста, отличалась требованиями высокой нравственности, единства слов и поступков. В Афинах эта школа пользовалась уважением за ее благотворное влияние на подрастающее поколение. Новый импульс развитию стоицизма в середине III века дал *Хрисипп (280–207 гг. до н. э.)*.

Основанием нравственной жизни у стоиков является стремление творить добро. Физика необходима им, так как она повествует о том, что неподвластно воле человека, но подчинено высшей разумной космической необходимости. Человеческий ум и космическая разумность взаимосвязаны, жизнь рассматривается как согласование с всеобщим законом. Космос логичен и все в нем находится во взаимодействии и совершается по необходимости. Человеческий выбор заключается в осознании этой необходимости и выстраивании своих действий в соответствии с ней, что означало «принять судьбу». Стоиками осознавался и возможный обратный ход – «вопреки судьбе», по собственному произволу, но это означало отвержение всеобщего порядка вещей и космической разумности.

Стоиков привлекала идея возможности совершенствования разумного начала в человеке путем упражнений. Своеобразной пропедевтикой этико-педагогического учения была их гносеология. Человек должен принимать все, что посылает судьба. Стоики наставляют своих слушателей оценивать жизненные события с точки зрения космического разума, т. е. всеобщего закона, призывая соотносить жизнь с природой, которая сама соотносится с Логосом²⁹.

Стоики разработали целостное мировоззрение, соответствующее общей атмосфере эпохи и достаточно широко распространенное в эллинистическом мире, поскольку они провозглашали идеи нравственного универсализма (космополитизма) и всеобщего братства. Эти идеи в дальнейшем были восприняты первыми христианами. Немаловажно обратить внимание и на другие методологические новации стоиков, воспринятые будущими поколениями, в частности, на метод аллегорического истолкования, применяемый ими при объяснении народных мифов. Этот метод позднее будет применен средневековыми богословами-экзегетами для истолкования Библии.

Назидания стоиков направлены на то, чтобы инспирировать в человеке осознание собственного места и назначения в мироздании, на основе чего он должен действовать в своей жизни. Правила человеческого действия включают в себя практические рекомендации, имеющие глубокий физический и психологический смысл. *Марк Аврелий (121–180 гг. н. э.)*, представитель «римского стоицизма», в трактате «Размышления» дает перечень подобных правил: признавать себя частью целого; давать всему физическое определение, т. е. рассматривать все согласно природе; рассматривать вещи в процессе превращения; стремиться видеть начала и последствия всего; мысленно представлять зло и приуговаривать себя к испытаниям; вырабатывать готовность пройти через трудности жизни; предвосхищать будущие беды и заранее готовиться к ним; никогда не терять внимания и бдительности; быть аскетичным; ничего не принимать близко к сердцу; ко всему относиться одинаково бесстрастно³⁰.

---

²⁹ Подробнее см: Степанова А. С. Философия древней Стои. – СПб, 1995. С. 193–195.

³⁰ См: Марк Аврелий. Размышления. – М., 1985. С. 24.

Перечисленные правила и следование им действительно формировали определенный образ жизни, видимый человеком изнутри. Внутренняя жизнь начинает становиться *напряженным самоотчетом*, доходящим до исповеди перед собой и Богом. Стоическая философия открывает новые глубины внутреннего мира человека, не ограниченного только познавательными запросами. Духовный поиск и движение навстречу будущему сближает это течение с христианской традицией.

Оппонентами стоиков по целому ряду вопросов в эпоху эллинизма были скептики, чье течение не привело к созданию устоявшейся школы, хотя их идеи повлияли на современников и развивались на протяжении всей истории. В частности, при Аркесилае и Карнеаде в Академии последовательно отрабатывалась скептическая методология и система аргументации. Основатель течения *Пиррон (365–275 гг. до н. э.)*, личность во многом легендарная, принял участие в походе Александра Македонского на Восток, где познакомился с мировоззрением индийских аскетов, отличающихся бесстрашием, невозмутимостью и отрешенностью от суетности мира. Историками отмечается, что Пиррон не организовал специальной школы, именно в силу скептической жизненной позиции, которая побуждала сомневаться в важности каких бы то ни было социальных образований, но был связан с учениками нетрадиционными узами.

Пиррон отрицает возможность познания истины, но при этом считает, что можно жить счастливо и в ее отсутствии. Он призывает не доверять суждениям и ощущениям, так как они не дают истинного знания. Но на чем должно быть основано познание и научение? К чему может апеллировать педагог, общаясь с учеником? В качестве поучительной модели скептики создают интуитивно представляемый образ мудреца, жизнь которого идет согласно законам, обычаям и здравому смыслу, без пустых вопрошаний и поиска оснований. Скептического мудреца отличает философское равнодушие, внутренний покой, полное безразличие к вещному миру. Он хотя и сомневается, но и сомнение не допускает в душу, без рефлексии принимая, что природа человека божественна и поэтому нейтральна к переходящим ценностям.

Рассмотренные философские школы периода зрелой классики и эпохи эллинизма отличаются по целому ряду признаков. Поэтому возникает необходимость уточнить понятие «философская школа», так как оно, как правило, употребляется не строго в различных контекстах. Философская школа в античности является постоянно действующим учреждением с необходимой системой отношений «учитель – ученик» и разработанным комплексом внутренних правил, обоснованных онтологическими принципами данного философского учения. Крупнейшие школы на много веков пережили своих основателей (Академия, Ликей, Сад, Стоя).

Сравнительный анализ показывает, что проверенные историей философские школы, различаясь по метафизической ориентации и конструированию различных антропологических моделей, находятся друг к другу в отношении дополнительности, выделяя и развивая до предела те или иные аспекты основных философских методов – интуиции и дискурса. Эллинистические философские доктрины впитали в себя и обобщили все значимые подходы древнегреческой философии: космологизм натурфилософов-досократиков, этический интеллектуализм Сократа, универсальный рационализм Платона и Аристотеля. Эллинистическая образовательная парадигма сохранила преемственность и триединую основу ее идеальных составляющих: космическо-онтологическую, рационально-этическую и назидательно-практическую.

2. Духовно-нравственные искания в средневековой антропологии

2.1. Идеалы духовного совершенствования в христианской антропологии

Античная культура оказала огромное влияние на развитие европейской и русской культуры, в том числе на образование. Переход к христианской культуре существенно изменил антропологические приоритеты, они сосредоточились на идеальном человеке. Учителство начинает все больше ассоциироваться не с греческими философами, а с Отцами церкви, их стали называть Учителями Церкви.

Современные задачи духовно-нравственного воспитания требуют внимательного отношения к патристике, к ее учениям о духовном совершенствовании человека, рассматриваемого в горизонте вечности. Только при таком подходе возникает проблематика спасения человека, его духовного бессмертия.

Глубокий знаток патристики Г. В. Флоровский в своих опубликованных лекциях отмечал, что в раннем византизме определяющей была христологическая тема. И в то же время – тема человека. Можно сказать, в христологических спорах в действительности обсуждалась и решалась антропологическая проблема³¹.

В славянской ранней письменности встречаем слово «философ», но оно имеет иной смысл, чем в греческой традиции, философ здесь – наставник в делах совести, мастер экзегезы, то есть истолкования библейских текстов³². Философами в XV и последующих веках на Руси именовали монахов, углубленных в духовную жизнь и становящихся духовниками для других людей. Славянского просветителя, первоучителя Кирилла (Константина) называли философом, в древнейшем Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.) отмечена память Константина Философа. Такое соотнесение слова «философ» с подвижниками веры свойственно не только русской традиции, но и более ранней греческой – Иустина Мученика (II век) именовали философом³³. Философ – это человек, способный врачевать, исцелять собственную душу и души других.

Философ в византийской и русской традиции сосредоточен на тайнах бытия человека. Ф. М. Достоевский обобщенно-афористически выразил задачу жизни любого человека – не только философа: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время, я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»³⁴.

Без православия не было бы того исторического явления, которое именуется «русский народ», «русский человек». Что бы ни утверждали ревнители языческой основы русского человека и шире – славянства, но тысячелетняя история становления русской государственности и русской духовности определялась православной верой. Не отделить побед Дмитрия Донского от святого Сергия Радонежского, а побед Суворова и Ушакова от укорененности в отеческой вере, не случайно адмирал Ушаков канонизирован как святой.

---

³¹ Флоровский В. Г. Восточные отцы V–VIII веков. – Париж: YMCA-PRESS, 1990. С. 5.

³² Громов М. А., Мильков В. В. Идеиные течения древнегреческой мысли. – СПб., 2001.

³³ Сочинения святого Иустина философа и мученика. – М., 1892.

³⁴ Достоевский Ф. М. Письмо к М. М. Достоевскому от 18.08.1893 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 28. Л.: Наука, 1985. С.61.

Византия на многие века определила судьбы учения о человеке, о воспитании. Возникла христианская антропология. Духовной преемницей Византии стала Россия. Без России невозможно представить судьбы православия после падения Константинополя (1453). Но и русскую судьбу, русскую культуру, философию, образование невозможно представить без влияния Византии.

Не философы Византии, не самый известный из них Пселл, определяли специфику философствования на Руси, а затем и во всей исторической России, а византийские Отцы Церкви, восточные Отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирий (это все IV век); Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин (из Сирии) – это VIII век³⁵.

Католики ограничивают хронологически принадлежность к Отцам Церкви, утверждая, что последним из них был Иоанн Дамаскин. У православных иной подход: не древность определяет носителей Духа Святого, и по праву почитают Отцом Церкви Григория Паламу, жившего в XIV веке³⁶.

Культура Древней Руси формировалась под непосредственным влиянием Византии. В свою очередь Византия – преемница греческой культуры, возвысившая себя не только имперской военной мощью, но и мощью духовной. Константин Великий перенес в 330 г. в Византию столицу Римской империи, Константинополь стали называть Новым Римом, а на Руси в дальнейшем укоренилось наименование «Царьград».

В славянских текстах Византию называли страной греков. Действительно, греческий язык был языком ее культуры, хотя это не была особая национальная культура: византийской нации не существовало, Византия сформировалась как мощная империя, соединившая многие народы, а главным ее достижением в культуре стало христианство. Именно православие было связующим звеном между Русью и Византией в средние века. Византия на многие века определила судьбы учения о человеке, о воспитании. Характер и смысл философствования в Византии принципиально отличался от древнегреческого. Разумеется, византийские мыслители владели греческой философией, не случайно многие из них в своих текстах обращались то к Платону, то к Аристотелю, а тем более к неоплатоникам, восставшим против язычества, таким как Ориген и Плотин.

Еще в эпоху перехода язычества к христианству, когда рождалась византийская культура, появляются образцы подлинно христианской антропологии, в IV веке написан классический текст Григория Нисского «Об устройении человека» – это синтез знаний о человеке, где выражена четкая позиция о формировании души человека, то есть позиция педагогической антропологии, если оценивать ее с современной точки зрения.

Григорий Нисский – младший брат родоначальника малоазийского монашества, святого Василия Великого. В молодости он увлекался греческой философией, в зрелые годы стал называть ее внешней философией. Антропология Григория Нисского – это учение о внутреннем совершенствовании человека, о стремлении к образу Божию. Только в человеке природное одухотворено. Следовать за высшим, прекрасным, совершенным – это и значит уподобляться Богу, становиться его отображением. В человека не вселяются попеременно разные души: душа младенца, душа зрелого человека или душа старика – это одна и та же душа, но в разной степени совершенства, причем эта степень не определяется возрастом, ибо душа может и возрастать, и деградировать.

Мысли Григория Нисского о способах духовного возрастания личности и сегодня воспринимаются поучительно – не следует увлекаться паломничествами по святым местам,

---

³⁵ См. *Флоровский Г. В.* Восточные отцы IV века. – Париж: YMCA-PRESS, 1990; Восточные Отцы V–VIII веков. Париж, 1990. 2-е издание.

³⁶ См. *Протоиерей Иоанн Мейендорф.* Византийское богословие. – Минск, 2001.

перемена места не приближает к нам Бога. Человеку самой природой дано стремление к красоте невидимой и к добру. У добродетели, – указывал он, – один предел – беспредельность; остановка в движении к добру опасна, так как всякая остановка – это уже движение к пороку. Мятеж страстей бороздит поверхность души, препятствуя раскрытию глубин души. Душа может возрастать бесконечно. Зло в любых проявлениях ограничено, оно «необходимо объемлется пределом, вслед за которым преемство добра сменяет предел зла»³⁷.

Назидания Григория Нисского предвосхищают те учения нестяжателей, которые обращены были не только к монахам, но ко всем людям: «Многостяжание есть смертоносное поражение»³⁸.

Ошибочно думать, что христианская антропология возвышала исключительно духовность человека в ущерб телесности. Напротив, еще Григорий Нисский видел преимущество человека над ангелами в том, что ангелы обладают лишь духовной природой (субстанцией), а человек – и духовной, и телесной. Творение мира завершилось человеком как вершиной сущего. Человек – не раз и навсегда совершенное создание, следовать за высшим, прекрасным – это возможность, которую человек либо реализует в своем становлении, либо погасит, загубит. Как в осколке зеркала может отразиться солнце, так и в человеке, в его микрокосмосе может сиять совершенство высшего Образа. «Ничто другое из сущего не уподобляется Богу, кроме человека»³⁹, а это уподобление, согласно Григорию Нисскому, проявляется в духовной чистоте, уме, слове, любви, в стремлении к небу, то есть к высоте духовной. «Как душевный превосходит плотского, так аналогично этому духовный выше душевного»⁴⁰. Духовность человека не может состояться без свободного выбора, ничто «вынужденное и насильное не может быть добродетелью»⁴¹. Человек от рождения – это лишь возможность стать человеком в его совершенных проявлениях, таков ход размышлений всех христианских мыслителей.

В XX столетии философы, богословы оценили вклад в духовную антропологию Григория Паламы, которого иногда называют основателем исихазма, хотя практика монашеского священнобесмолвия существовала задолго до XIV века, еще у первохристианских пустынножителей.

Греческое «исихия» означает молчание, тишину, покой. Исихазм – это священнобесмолвие, подвижнический способ христианской жизни, направленный на созидание храма души человека, формирование «внутреннего человека». Философия исихазма в этом смысле противоположна «внешней» философии Древней Греции. Исихазм учит духовной жизни, он неотделим от монашеского подвига, от «умного делания» отдельной души человека.

Вера в человека – основа исихастской антропологии. В том числе и антропологии Григория Паламы. Причем человек понимается целостно, в нераздельном единстве души и тела. В молитве, в богообщении участвуют и душа, и тело. Это принципиально отличает учение Паламы (паламизм) от платонизма. Если у Платона душа находится в теле, как в тюрьме, то у Паламы весь человек участвует в общении с Богом. Он прекрасно владел платоновским и аристотелевским наследием, но советовал обращаться с греческой философией так, как фармацевты обращаются со змеями: извлекают из них яд и приготавливают противоядие. Например, он подвергал убедительной критике учение Платона о переселении душ.

Христианская антропология многократно усилила идеи античной философии о внутреннем человеке. В исследовании русского грека Авраама Позидиса (Позова), осуществив-

---

³⁷ *Святой Григорий Нисский*. Об устройении человека. – СПб., 1995. С. 68.

³⁸ Там же. С. 102.

³⁹ *Святой Григорий Нисский*. Об устройении человека. – СПб., 1995. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 24.

⁴¹ Там же. С. 54.

шем синтез богословия, психологии, медицины, раскрыто становление в истории понятия «внутренний человек». А. С. Позов считал, что в «Филебе» Платона уже содержалось представление о внутреннем человеке: «Человек своей монадой связан с Единым, своим интеллектом – с Мировым разумом, а своей душой – с Мировой Душой. Все эти три части составляют внутреннего человека Платона»⁴². У А. Ф. Лосева встречаем мысль о том, что Аристотель тоже акцентировал внимание на внутреннем человеке⁴³.

Если в античной литературе исследователям приходится отыскивать ростки учения о внутреннем человеке, то в христианской антропологии оно становится центральным, доминирующим. Внутренний человек – носитель Духа Святого, в молитву погружен именно внутренний человек. Внутренний человек стремится к духовному совершенствованию. «Глениый человек получает бессмертие, если он служит внутреннему»⁴⁴. Так истолковывает христианская антропология слова Христа: «Ищите Царствия Небесного, которое внутри вас».

В святоотеческой литературе разработаны многие философско-антропологические темы: происхождения человека, свободы, творчества, ответственности, богоподобия человека, нравственной чистоты и греховности, его связи с миром падшим и идеальным. Кроме того, христологическая тема (Христос-Богочеловек) – это тоже в значительной степени антропологическая проблема⁴⁵.

Христианская антропология обосновала надприродность человека, раскрыла ограниченность натуралистических антропологических учений. При этом в патристике, то есть в учении Отцов Церкви, никогда не отрицалась телесность, здесь не было дуализма души и тела. Подчеркивалось лишь главенство духа над телом, необходимость духовного совершенствования человека. Тело может жить в согласии с высокими стремлениями души, быть достойным души. Монашеская аскеза – это не борьба с природой, а с противоестественностью, противостояние греху возвышает и душу, и тело.

Традиция исихазма направляла философию к духовной сосредоточенности, к духовному деланию, эта традиция противостояла всякому пустословию. Русская философия изначально следовала завету Григория Паламы: «Великое имя любомудрия (философии) осуществляется в образе твоей жизни»⁴⁶. Духовное совершенствование личности, народа стало основной задачей русской философии, поэтому русскую философию называют духовной философией.

Духовность – это проявление устремленности к совершенному, целостному. Духовность преодолевает утилитаризм, чисто практическое, прагматическое бытие человека. Духовность рассматривается в русской философии как метафизическое ядро личности.

Христианская антропология определила принципы формирования человека не только в эпоху средневековья, вся подлинная европейская и русская культура укоренена в христианстве. Значение христианской антропологии для воспитания остро осознал выдающийся русский философ, педагог, психолог и богослов Василий Васильевич Зеньковский, столкнувшись с задачами образования в условиях зарубежья, в 30-е годы XX столетия в Париже, он подготовил книгу «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии»⁴⁷, которую по праву мы можем включить в золотой фонд литературы по педагогической антропологии.

---

⁴² Позов А. С. Основы древнецерковной антропологии. СПб., 2008. Т. 1. С. 136.

⁴³ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. Глава IX «Общее обозрение воспитательной системы».

⁴⁴ Позов А. С. Основы древнецерковной антропологии. СПб., 2008. Т. 1. С. 307.

⁴⁵ Киприан (Керн). Тема человека и современность // Православная мысль. Париж. Вып. VI. 1947. С. 127.

⁴⁶ Святитель Григорий Палама. Слово святителя Григория Паламы к Иоанну и Федору философам // Беседа. Т. 3. М., 1994. С. 243.

⁴⁷ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996. Более широко работы Зень-

Христианская антропология нацелена не на эмпирическое бытие человека, а на его духовное бытие. Обыденная жизнь человека может быть описана в биографии и автобиографии, но духовная жизнь подвижников описывалась в житиях. Духовное ядро свойственно любому человеку, оно либо совершенствуется в процессе жизни, либо угасает, «оно действительно, хоть и подавлено, и заглушено всем тем, что сложилось в эмпирическом слое его личности»⁴⁸.

ковского по данной теме представлены в издании: *Зеньковский В. В.* Педагогические сочинения. Саранск, 2002.

⁴⁸ *Зеньковский В. В.* Смысл православной культуры. М., 2007. С. 205.

2.2. Христианизация эллинизма и новые возможности интеллектуального и духовного роста в Византии

Восточная держава Византия явилась носителем идеи империи, осознающей свою связь с древней культурой. Восприняв литературу, философию, искусство, право, идеи государственности и образованности древней Греции и Рима, византийская культура продолжила их развитие в новых исторических условиях. Доступность античного наследия открывало значительные возможности для интеллектуального и культурного роста, и вместе с тем, явилось фундаментом, на основе которого возникла устойчивость по отношению к влияниям других культур. Правительство ценило образование, нуждалось в образованных людях и старалось поддерживать просветительские традиции. Смещение церкви и государства привело к рождению особого общественного порядка, названного впоследствии «мирским деспотизмом» или византизмом⁴⁹. Последнее понятие, по существу, является синтезом идей централизованной государственности, православия и высокой образованности.

---

⁴⁹ Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М., 1997. С. 688–690.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.